

ВЪ ЗАЩИТУ ЛИЧНОСТИ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ

Н. А. Добролюбова.

Для чего свисали вы мнѣ руки?
 Для чего спеленали меня?
 Для чего на житейскія муки
 Сблекли меня съ перваго дня?..

Дайте мнѣ хотя нѣ дѣтствѣ свободу,
 Дайте вольно всей груди вздохнуть,
 Чтобъ и послѣ, нѣ тяжелые годы,
 Могъ хоть дѣтство добромъ гонануть.

Добролюбовъ.

Л. С.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая типографія А. Л. Трунова и К^о. Калашник. пр., № 15.
 1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1898 г.

№ 819205

Контрольно

М. А. Добролюбовъ.

I.

Добролюбовъ не былъ ни педагогомъ по профессіи, ни специалистомъ въ педагогической наукѣ, однако мысли его, касающіяся воспитанія, представляютъ собою много интереснаго — и вотъ по какимъ причинамъ.

Направленіе дѣла воспитанія и образованія молодого поколѣнія зависитъ отъ двухъ факторовъ: съ одной стороны отъ людей, принимающихъ непосредственное участіе въ немъ, отъ педагоговъ, разрабатывающихъ педагогическую науку и прилагающихъ ея результаты къ своей практической дѣятельности, и съ другой — отъ общества, ввѣряющаго имъ своихъ дѣтей. Когда рѣчь заходитъ относительно какихъ-нибудь методическихъ приѣмовъ воспитанія и образованія, то въ этомъ случаѣ первенствующее значеніе, очевидно, должно быть отдано голосу людей, по самой своей профессіи непосредственно занятыхъ этимъ дѣломъ, и среди нихъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, которые извѣстны своей

талантливой и полезной дѣятельностью въ этой области: у нихъ мы найдемъ раскрытіе и объясненіе тѣхъ пріемовъ и средствъ, которые выработала къ извѣстному времени педагогическая теорія и практика. Когда же поднимается вопросъ относительно самыхъ идеаловъ воспитанія и обученія, тѣхъ конечныхъ цѣлей и задачъ, которыя должны быть осуществляемы школою и ея дѣятелями, въ этомъ случаѣ нельзя не прислушиваться и къ голосу общества, голосу изъ публики, иногда очень громко раздающемуся и опредѣленно выражающему тѣ или другія желанія въ области воспитанія, присущія обществу извѣстнаго времени. Важенъ голосъ изъ публики даже и тамъ, гдѣ мы всего менѣе можемъ ожидать этого; напримѣръ, наша начальная школа, по свидѣтельству такого знатока ея, каковъ С. А. Рачинскій, самое сильное вліяніе испытываетъ при своемъ прогрессивномъ движеніи не отъ контролирующей дѣятельности ея оффиціальныхъ опекуновъ, а отъ гораздо болѣе живого и близкаго контроля за нею со стороны самихъ родителей школьниковъ, со стороны нашего крестьянства, которое посылаетъ въ нее своихъ ребятъ, очень зорко слѣдитъ за ихъ обученіемъ и воспитаніемъ и дѣлаетъ ему такую или иную оцѣнку. То же самое, только еще въ болѣе наглядной формѣ, мы можемъ наблюдать относительно нашего образованнаго, интеллигентнаго общества; напримѣръ, совершившееся и совершающееся въ настоящее время открытіе въ

Россіи спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній: Женскаго Медицинскаго института, Кіевскаго и Варшавскаго политехникумовъ и пр., которые не только нравственно, но и матеріально въ своемъ возникновеніи обязаны именно современному русскому общественному сознанию, открыто и громко признавшему всю ихъ необходимость, ясно говорить намъ, что идеалы общества—могущественный двигатель дѣла образованія. Временами эти идеалы общества обнаруживаются съ большей опредѣленностью и высказываются съ большей ясностью, временами голоса о нихъ замолкаютъ, и общество, обращая свои взоры къ практическому осуществленію ихъ, спускается съ высотъ, на которыхъ витають мыслями въ моментъ подъема своего сознанія. Конецъ пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія и начало шестидесятихъ въ Россіи были временемъ исключительнаго возбужденія общественнаго сознанія, и общественная мысль тогда направлена была именно на самые основные принципы, которые должны были лежать въ основаніи дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія русской жизни. Добролюбовъ былъ блестящимъ представителемъ этой эпохи, небывалой въ Россіи по силѣ того умственнаго движенія, которое происходило тогда, такъ что и его педагогическія идеи имѣють громадное значеніе для характеристики русскихъ идеаловъ воспитанія во времена непосредственно предшествовавшія освободительной эпохѣ, идеаловъ, отчасти получившихъ

осуществленіе въ дальнѣйшіе годы, а отчасти остающихся еще и до настоящаго времени только идеалами и мечтами въ области воспитанія и образованія. Что мысли Добролюбова о воспитаніи не были въ его время чѣмъ-то исключительнымъ, чуждымъ современной ему Россіи и интеллигентному русскому обществу и не представляютъ собою, такимъ образомъ, для насъ теперь матеріала, характеризующаго только именно его личныя воззрѣнія, а не воззрѣнія и идеалы его современниковъ, ясно изъ того, что онъ былъ дѣятель не замкнувшійся въ себѣ, не кабинетный, оторванный отъ жизни ученый, а критикъ-публицистъ, вся сила котораго заключалась именно въ томъ, что онъ былъ въ своихъ трудахъ современнымъ, интереснымъ и понятнымъ для поколѣнія его времени, чѣмъ и объясняется его могущественное вліяніе на судьбы русской литературы и критики. Всѣ его воззрѣнія на воспитаніе высказаны имъ по поводу тѣхъ или другихъ современныхъ ему явленій жизни и литературы, которую онъ понималъ и цѣнилъ только въ той степени, пока она являлась отраженіемъ дѣйствительной жизни и ея истинныхъ потребностей.

Пересматривая сочиненія Добролюбова, легко замѣтить, что господствующею мыслью во всѣхъ его литературно-критическихъ статьяхъ является мысль о необходимости для личности большей свободы, чѣмъ какой она пользовалась въ различныхъ

отношеніяхъ въ дореформенной Россіи. Эта мысль въ началу шестидесятыхъ годовъ уже сдѣлалась довольно близкою сознанію всего болѣе или менѣе образованнаго русскаго общества. Въ статьѣ: „Забытые люди“, объясняющей типы нѣкоторыхъ произведеній Достоевскаго, Добролюбовъ такъ характеризуетъ настроеніе русскаго образованнаго общества его времени: „говорятъ, отрадно человѣку имѣть за собою кого-нибудь, кто о немъ заботится, за него думаетъ и рѣшаетъ, всѣ его поступки и даже мысли предусматриваетъ. Говорятъ, что это согласно съ естественной инерціей человѣка, съ его потребностью отдаваться кому-нибудь беззавѣтно, поставлять для души какой-нибудь образецъ и владыку, въ волѣ котораго можно было бы почивать спокойно. Но теперь,—продолжаетъ онъ,—общественныя тенденціи повсюду принимаютъ болѣе мужественный, самостоятельный характеръ. Высокія добродѣтели слѣпой, безумной преданности, безусловнаго довѣрія къ авторитетамъ, безотчетной вѣры въ чужое слово, — становятся все рѣже и рѣже. Естественная человѣку инерція признается уже какимъ-то отрицательнымъ качествомъ, напротивъ, на первомъ планѣ стоитъ теперь *иниціатива*, т. е. способность человѣка самостоятельно, самому по себѣ, браться за дѣло,—и о достоинствахъ человѣка судятъ уже по степени присутствія въ немъ инициативы и по ея направленію. Все какъ-то стремится стать на свои ноги, и жить по милости дру-

тихъ считается недостойнымъ себя. Такое измѣненіе тенденцій въ обществахъ новыхъ народовъ произошло въ Западной Европѣ еще съ конца прошлаго столѣтія. Но оно не миновало также и насъ *). Очевидно, были еще во времена Добролюбова многіе и такіе, которые защищали прежнее положеніе личности, поставленной въ страшно стѣснительныя условія для ея развитія, были люди, которые считали эти условія совершенно нормальными и согласными съ естественной природой и потребностями человѣка, но основной мотивъ, который чувствовался въ настроеніи интеллигенціи, былъ мотивомъ свободы и личной самодѣтельности.) Чтобы убѣдиться въ томъ, что подобныя мысли проникли въ сознаніе русскаго интеллигентнаго общества ко времени шестидесятыхъ годовъ, достаточно взглянуть, по словамъ Добролюбова, на литературу и читателей того времени. Литература, говорилъ Добролюбовъ, въ своемъ кругу теперь уже лицо самостоятельное, не ищущее милостивцевъ, не нуждающееся въ нихъ: только иногда, очень рѣдко, какой нибудь стихотворецъ изъ далекой провинціи пришлетъ журнальному сотруднику водянистые стишки, съ просьбой о протекціи для помѣщенія въ такомъ-то журналѣ. Да и подобныя чудаки оказываются людьми стараго вѣка. Съ другой стороны,

*) Сочиненія Добролюбова. Изд. 5-е. Спб., 1896 г., т. III, стр. 538.

сами читатели относятся къ литературѣ совершенно иначе, чѣмъ прежде: недоступныхъ пьедесталовъ нѣтъ, непогрѣшимые авторитеты не признаются, и часто то или другое произведеніе знаменитаго по своимъ прежнимъ твореніямъ писателя трактуется читателями какъ слабое и стоящее далеко ниже того уровня талантливости, которымъ отличались прежде творенія автора. И въ другихъ сферахъ русской жизни времени Добролюбова не было недостатка въ аналогичныхъ, только что указанныхъ явленіяхъ.

II.

Но съ этимъ настроеніемъ избраннаго русскаго общества далеко не согласовались воззрѣнія въ менѣе образованной средѣ, потому что сами внѣшнія условія жизни низшаго слоя еще удерживали пока свой совершенно патріархальный, дореформенный характеръ, и традиціонные взгляды особенно старшаго поколѣнія сложились исключительно подъ вліяніемъ этихъ условій. Литература, какъ представительница лучшей части общества, стремилась распространить свои идеи въ этомъ „темномъ царствѣ“, раскрыть ему его собственныя язвы, которыми оно болѣло въ различныхъ отношеніяхъ, а въ частности и въ отношеніи воспитанія своего моло-

дого поколѣнія. Помимо чисто практическаго значенія подобнаго направленія литературной дѣятельности для разрушенія предрасудковъ и устраненія тормазовъ нормальнаго развитія, критика современной общественной среды являлась въ сочиненіяхъ Добролюбова средствомъ для раскрытія и обоснованія его собственныхъ идеаловъ жизни вообще и воспитанія въ частности. Въ его статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ воспитанія. *Темное царство, Забитые люди, Когда же придетъ настоящий день, О нравственной стихіи въ поэзіи*, имѣющихъ общелитературный интересъ, и въ посвященныхъ спеціально вопросамъ воспитанія: *О значеніи авторитета въ воспитаніи. Отъ дождя да въ воду, Всероссийскія иллюзіи, разрушаемыя розгами*, и въ педагогическихъ статьяхъ по поводу отчетовъ учебныхъ заведеній содержится безпощадная критика современнаго ему воспитанія и указывается, какимъ бы желалъ онъ видѣть воспитаніе молодого поколѣнія.

То подавленіе личности, противъ чего воевалъ Добролюбовъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, параллельно съ общимъ ненормальнымъ положеніемъ ея среди дореформенныхъ условій жизни, начиналось съ самаго первоначальнаго воспитанія ребенка. Оно проявлялось здѣсь въ чисто отрицательномъ подавленіи свободного развитія вслѣдствіе ненормальнаго правового положенія нашихъ крестьянъ и помѣщиковъ въ

дореформенную эпоху, въ подавленіи личности въ семьяхъ, основаніемъ жизни которыхъ служило самодурство и деспотизмъ старѣйшихъ членовъ по отношенію къ младшимъ и, наконецъ, строй и характеръ дореформенной школы былъ совершенно неблагопріятенъ для всякаго самостоятельнаго развитія ея питомцевъ.

Крѣпостное право, санкціонировавшее діаметрально противоположное состояніе двухъ нашихъ главныхъ сословій: крестьянъ-рабовъ и помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ, совершенно одинаково обезличивало людей, воспитывавшихся подъ его охраной, въ томъ и другомъ классѣ; оно одинаково подавляло свободное развитіе какъ раба, такъ и господина, хотя условія ихъ жизни и были совершенно противоположны. Крестьянство воспитывалось подъ постояннымъ гнетомъ сознанія своего безправія, неизбѣжности полного подчиненія своихъ дѣйствій волѣ господина, что парализовало въ немъ всякую самостоятельность, стирало малѣйшіе слѣды личной индивидуальности. Отецъ, мать, всѣ родные, подчиненные крѣпостной власти, свыкшіеся съ своимъ положеніемъ и извѣдавшіе, быть можетъ, собственнымъ горькимъ опытомъ все неудобство самостоятельныхъ проявленій личности—всѣ старались, изъ желанія добра ребенку, съ малыхъ лѣтъ внушить ему непрекословную покорность чужому произволу, отреченіе отъ собственныхъ разума и воли. Всякая естественная, свободная логика замѣнялась житей-

скими правилами, примѣненными къ рабскому положенію ребенка, въ родѣ увѣщаній: извѣстенъ нравъ барскій: будь негодай, да поклонись—и все ничего, будь чистъ и святъ, да скажи слово поперекъ—и нѣтъ тебя хуже. Исходный пунктъ всѣхъ этихъ разсужденій—отрицаніе личности въ подчиненномъ существѣ, признаніе его за тварь, за вещь, для которой нѣтъ другого закона бытія, кромѣ произвола того, кому она подчинена *).

Подобному же обезличенію способствовало крѣпостное право и по отношенію къ воспитывавшимся подъ его вліяніемъ помѣщикамъ. Вся жизнь ихъ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, проходила подъ вліяніемъ постояннаго сознанія того, что крестьяне — это ихъ рабы, которые обязаны самимъ закономъ доставлять своимъ господамъ все, необходимое для жизни, исполнять всѣ ихъ прихоти, обезпечивать ихъ существованіе полностью до самыхъ изысканныхъ и причудливыхъ ихъ требованій. Употреблять какія-либо собственныя усилія къ доставленію себѣ средствъ къ жизни и къ своему матеріальному обезпеченію имъ не приходилось, потому что объ этомъ должны были позаботиться ихъ рабы; никакихъ знаній, никакихъ навыковъ къ труду для нихъ не было нужно, потому что ихъ жизнь на чужой счетъ была санкціонирована и закономъ и обычаемъ. Оттого они, говорилъ Добролюбовъ, ничему не вы-

*) Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 360.

учены, ничего не умѣютъ, ни къ чему не наклонны особенно, не знаютъ, чѣмъ наполнить пустоту своего времени, даже не умѣютъ разсчитать своихъ расходовъ, предвидѣть свое безденежье, сообразить, что имъ нужно купить, что нѣтъ. Такъ характеризуетъ Добролюбовъ воспитаніе типичныхъ представителей дореформенныхъ крестьянъ и помѣщиков *).

Не менѣе ненормально шло воспитаніе въ дореформенныхъ купеческихъ и разночинническихъ семьяхъ, гдѣ роль крѣпостнаго права для крестьянства замѣняло освященное вѣками самодурство и издѣвательство старшихъ членовъ семьи надъ младшими. Замѣчательнѣйшими статьями Добролюбова, изображавшими всю горечь положенія воспитываемыхъ въ этихъ семьяхъ людей, являются статьи о произведеніяхъ Островскаго подъ общимъ заглавіемъ: „Темное царство“. Многія мѣста этихъ статей представляются высоко художественными по своему изложенію и ихъ лучше всего привести буквально, чтобы не разрушать вполнѣ соотвѣтствующую ихъ содержанію внѣшнюю форму. Передъ нами, такъ начинается Добролюбовъ вторую свою статью о „Темномъ царствѣ“, грустно покорныя лица нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдальческое существованіе. Чувствительный Митя, добродушный Андрей Брусковъ, бѣдная не-

*) Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 272.

вѣста — Марья Андреевна, опозоренная Авдотья Максимовна, несчастныя Даша и Надя — стоятъ предъ нами, безмолвно покорныя судьбѣ, безропотно унылыя... Это міръ затаенной, тихо вздымающейся скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора, гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда, на минуту, вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго — и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники — они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе, но, тѣмъ не менѣе, они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли спо-

способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносят ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди этого смраднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается ключею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И неоткуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ бессмысленное *самодурство*, въ лицѣ разныхъ Большовыхъ, Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и пр., не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій. Только его дикіе, безобразные крики нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли *). Таковъ былъ общій строй старой купеческой семьи. Очень сходный съ только что указаннымъ характеръ воспитанія и въ разночинническихъ семьяхъ также обращалъ на себя вниманіе Добролюбова. Типичными представителями той же запуганности и загнанности являлись для него въ этой средѣ униженные и оскорбленные герои Достоевскаго съ Макаромъ Дѣвушкинымъ во главѣ. Какъ характерныя для этого героя, если только приложимо къ нему это слово, Добролюбовъ приводитъ слѣдующія его слова: часто самого себя безъ всякой причины уничтожаешь, въ грошъ не

*) Сочиненіе Добролюбова, т. III, стр. 23—24.

ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, отъ того происходитъ, что я самъ *запуганъ и загнанъ*, какъ хотъ бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ *).

Результатомъ подобнаго воспитанія во всѣхъ вышеупомянутыхъ слояхъ русскаго общества являлись люди, лишенные всякой инициативы и энергіи, люди забитые и подавленные въ своемъ развитіи. Среди рабовъ — робкія, безотвѣтныя, тупыя существа, ни на что не годныя, кромѣ какъ на то, чтобы всякому подставлять свою спину: кто хочетъ — побей, а кто хочетъ — садись да поѣзжай, были обычными представителями крѣпостнаго крестьянства. Среди помѣщиковъ тоже постоянно можно было встрѣтить людей, обезличенныхъ чуть-ли не хуже, чѣмъ обезличены были крестьяне. Въ то время какъ послѣдніе подавлялись массой подневольнаго труда и полнѣйшимъ безправіемъ своимъ, первые не имѣли возможности развить своихъ силъ вслѣдствіе совершенно другихъ причинъ. Первоначальнымъ побужденіемъ къ развитію, по словамъ Добролюбова служить естественная потребность упражнять свои силы, и, слѣдовательно, охота трудиться находится въ прямой пропорціи съ количествомъ силъ человѣка. Пока силъ мало, то и стремленіе къ труду слабо, и если никакихъ другихъ

*) Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 529.

побуждений къ работѣ нѣтъ, то ребенокъ очень легко привыкаетъ лѣниться и силы его, оставаясь безъ упражненія, не получаютъ надлежащаго развитія. Это мы видимъ, говоритъ Добролюбовъ, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ развитіи: при началѣ ученія дѣти очень неохотно принимаются за свой урокъ, гдѣ имъ нужно много соображать и добиваться толку; они предпочитаютъ, чтобы имъ было все растолковано, и чтобы съ ихъ стороны требовалось только пассивное воспріятіе. Многіе родители и заботятся объ этомъ: цѣлую толпу учителей, гувернеровъ и репетиторовъ приглашаютъ, чтобы разжевать и положить въ ротъ ихъ дѣтямъ всякое знаніе; зато такіа дѣти и остаются на весь вѣкъ обезьянами, иногда очень понятливыми (переимчивыми), но неспособными возвыситься до самобытной человѣческой мысли *). Они часто лишены всякаго сознанія своего достоинства и своихъ обязанностей, у нихъ отнята всякая возможность серьезно взглянуть на себя, у нихъ вынута собственная ихъ душа и замѣнена нѣсколькими условными требованіями и сентенціями житейской цивилизаціи. вмѣсто всѣхъ вѣлѣній здраваго смысла, имъ съ малолѣтства вбито въ голову и срослось съ ними убѣжденіе, что они должны жить на чужой счетъ, сами ничего не дѣлая, что это ихъ право, ихъ призваніе на землѣ. Мысль о

*) Сочин. Добр. т. III стр. 377.

трудѣ, какъ необходимомъ условіи жизни и основаніи общественной нравственности, столько-же недоступна имъ, какъ и мысль объ уваженіи въ каждомъ человѣкѣ его естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ. Имъ никогда, говоритъ Д., не придетъ въ голову взглянуть на себя серьезно, задать себѣ вопросъ — зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ, и что такое составляютъ они среди общества, отъ котораго требуютъ и получаютъ всякаго рода блага и услуги. Цѣлая поколѣнія жили и прожили у насъ, не сдѣлавъ ничего путнаго и показавъ только, что они негодны къ настоящему дѣлу, именно потому, что въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ всегда бродила закваска крѣпостныхъ воззрѣній и вся жизнь ихъ слагалась съ самаго начала, подъ вліяніемъ крѣпостного устройства. Пригнетая и сдавливая однихъ виѣшнимъ образомъ, оно въ то же время еще рѣшительнѣе, внутренно и существенно, губило и тѣхъ самыхъ, которые хотѣли жить угнетеніемъ другихъ. Оно ихъ разслабило, опошло, развратило, обездушило и сдѣлало гораздо жалче, гораздо ничтожнѣе и негоднѣе тѣхъ, которыхъ они эксплуатировали своимъ произволомъ *).

Также точно и въ людяхъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ самодурства и подъ ничѣмъ необузданнымъ владычествомъ разныхъ Титовъ Титычей, совершенно не могло, по словамъ Добролюбова, развиться со-

*) Сочин. Добролюбова т. III, стр. 381.

знаніе нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права, такъ какъ семьи эти представлялись ему печальнымъ кладбищемъ всякой самостоятельной человѣческой мысли и воли.

Правда, пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить, т. е. проявлять себя какимъ бы то ни было образомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Но, при стѣсненіи всякихъ естественныхъ и законныхъ проявленій личности, она стремилась проявить себя хоть какъ-нибудь и отсюда возникало въ этомъ „темномъ царствѣ“ грубаго произвола и насилія воровское, урывчатое движеніе, съ оглядкою, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ его; начинался обманъ и подлость, притворство и зложелательство, ожесточеніе на все окружающее, столь обычныя въ средѣ героевъ Островскаго, въ которыхъ безобразнѣйшее, дикое воспитаніе хотѣло совершенно подавить всякія проявленія личной жизни, но на самомъ дѣлѣ только искажало ихъ. Статьи Добролюбова объ этомъ „темномъ царствѣ“, о „забитыхъ людяхъ“ и о „русскомъ простонародьи“ и представляютъ собою вопль души, скорбящей объ угнетенныхъ и забитыхъ людяхъ и требованіе для нихъ большей свободы и возможности развитія. Всѣ онѣ имѣютъ въ виду воспитаніе главнымъ образомъ самаго низшаго пошиба, воспитаніе, которое велось людьми безъ всякаго разсужденія о его пригодности и состоятельности и держалось исключительно силою традиціи, на которой покоилась и вся жизнь

этихъ низшихъ слоевъ современнаго Добролюбову общества.)

III.

— /Когда Добролюбову приходилось говорить о воспитаніи дѣтей образованныхъ классовъ русскаго общества, его вниманіе привлекало къ себѣ то же подавленіе свободнаго развитія юныхъ силъ и тѣ препятствія къ культурѣ добрыхъ природныхъ началъ, которыхъ (препят.) и въ этомъ воспитаніи было не мало, хотя они и были другого характера и не отличались такой грубостью, какъ въ некультурныхъ семьяхъ.] Здѣсь прежде всего обращала на себя его вниманіе беззаботность о правильномъ физическомъ развитіи дѣтей. Въ прежнія времена относительно этой стороны воспитанія были свои взгляды, отошедшіе уже въ область преданій. Въ наше время, говоритъ Добролюбовъ, успѣхи естественныхъ наукъ, избавившіе насъ уже отъ многихъ предрасудковъ, дали намъ возможность составить болѣе здравый и простой взглядъ на отношеніе между духовной и тѣлесной дѣятельностью человека и на отношеніе между собою воспитанія духа и тѣла ребенка *). Нормальнымъ воспитаніемъ, выходя изъ этихъ научныхъ данныхъ, Д. признавалъ гармоническое развитіе въ ребенкѣ того и дру-

*) Сочин. Добролюбова, т. II, стр. 27.

гого начала—и физическаго и духовнаго. Если всякая душевная дѣятельность непременно проявляется во внѣшнихъ знакахъ, и если орудіемъ ея проявленія служатъ непременно органы нашего тѣла, то ясно, что для правильнаго проявленія душевной дѣятельности мы должны имѣть правильно развитые, здоровые органы. Тотъ организмъ, въ которомъ развитіе душевныхъ способностей поглощаетъ собою всѣ его силы, развивается ненормально, болѣзненно, какъ равнымъ образомъ, ненормально и развитіе того, въ которомъ усиленной дѣятельностью мускуловъ и усиленнымъ питаніемъ тѣла ограничивается и заглушается развитіе нервной системы, мозга и духовныхъ сторонъ человѣческой природы. Недостатокъ въ томъ или другомъ отношеніи лишаетъ весь организмъ, всего человѣка, гармоничности развитія, такъ что и органы прекрасно развитые, при неразвитыхъ остальныхъ, не могутъ приносить человѣку соотвѣтствующей ихъ силѣ пользы. Въ наше время, говоритъ Добролюбовъ, вошло въ обычай, съ голоса превыспреннихъ поэтовъ, жаловаться на матеріализмъ и практическое направленіе вѣка. Но намъ кажется, что гораздо съ большимъ правомъ врачи и фізіологи упрекаютъ наше время въ одностороннемъ, недалекомъ идеализмѣ, приносящемъ больше всего вреда въ нашемъ воспитаніи. Кто нынѣ ищетъ для своихъ дѣтей здороваго организма болѣе, чѣмъ внушенія имъ всяческихъ часто очень уродливыхъ отвлечен-

ностей? Въ старину любили откармливать дѣтей; нынѣ любятъ морить ихъ голодомъ, чтобы они не ожирѣли и не отупѣли. Въ старину до 15 лѣтъ не принимались за ученье, въ той мысли, что пусть, дескать, дитя побѣгаетъ, ученье-то еще не уйдетъ; нынѣ дѣтямъ не даютъ бѣгать, заставляя ихъ сидѣть смирно и учиться. Бывало, спозаранку прогоняли дѣтей спать, чтобы не изнурились, и они просыпали половину сутокъ; теперь дѣтей заставляютъ сидѣть за урокомъ до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшая голова сама не упадетъ на столъ. Нынѣ уже нерѣдкость встрѣтить мать, которая съ гордостью и тайнымъ самоуслажденіемъ рассказываетъ о томъ, какъ сынъ ея не спалъ ночи, потерялъ аппетитъ, похудѣлъ и высохъ какъ спичка, — во время экзаменовъ. Хвалятся прилежаніемъ и любовью къ наукѣ дѣло похвальное, но всетаки жалко такихъ дѣтей *). Результаты подобнаго напряженія силъ вовсе неблагоприятны для тѣлеснаго здоровья развитія дѣтей.

Во внѣшней жизни современной ему школы Добролюбова возмущала излишняя регламентація и та масса правилъ поведенія, которая иногда дѣлала жизнь воспитанниковъ ея совершенно подобною заведенной машинѣ. На это онъ указывалъ въ замѣткахъ по поводу отчетовъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ и отчетовъ

*) Сочин. Добролюб. т. II, стр. 33.

Главнаго педагогическаго института. Напримѣръ, студенты института ни въ чемъ положительно не были предоставлены самимъ себѣ. Попечительное начальство слѣдило за ними на каждомъ шагу и опредѣляло заранѣе ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничивались чтеніемъ лекцій, но постоянно обращались къ учащимся съ вопросами для провѣрки усвоенія ими прочитаннаго. Учебными книгами студенты снабжались „по требованію преподавателей и распоряженію инспектора“, а изъ неучебныхъ могли брать изъ библіотеки только „книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора и не болѣе, какъ по одному сочиненію для каждаго изъ изучаемыхъ ими предметов“. Независимо отъ наблюденія профессоромъ и прочихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною имѣлъ инспекторъ. Весь день студентовъ распределенъ очень подробно: не только учебныя занятія, но даже предметы разговора студентовъ, мѣста въ классахъ, за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и самостоятельныя занятія—все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы показать всю мелочность предусмотрительности институтскаго начальства, Добролюбовъ выписываетъ изъ устава института такія правила: „студенты обязываются въ дортуарахъ не отворять форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ

и классныхъ комнатахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ. Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, столовую, классы или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы и т. д. и т. д. *). Подобная система воспитанія не нуждалась ни въ какомъ опроверженіи и Добролюбовъ ограничивается лишь указаніемъ всей ея мелочности выше приведенными буквальными словами изъ Отчета института, пересыпая буквальныя выдержки своими ироническими и саркастическими замѣчаніями. Что она нисколько не способствовала развитію въ студентахъ самостоятельности въ мышленіи и дѣйствіяхъ, со всею ясностью обнаружилось, по мнѣнію его, въ томъ фактѣ, что на актѣ въ этомъ учебномъ заведеніи въ 1856 г. 21 іюня была прочитана однимъ изъ студентовъ (нужно полагать—лучшимъ, или однимъ изъ лучшихъ) рѣчь, исполненная совершенно отроческихъ и ученическихъ мыслей и чувствованій. Иного чего-нибудь, конечно, нельзя было и ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, потому что она своей излишней регламентаціей и опекою студентовъ совершенно подавляла въ нихъ все самобытное и самостоятельное, удерживая ихъ на положеніи дѣтей и въ то время, когда они уже близки были къ совершенно зрѣлому, мужескому возрасту.

*) Сочин. Добролюбова т. II, стр. 186—187.

Въ самой постановкѣ преподаванія въ современной ему школѣ Добролюбовъ находилъ такіе элементы, которые дѣйствовали на питомцевъ школы совершенно въ дурную сторону. Взглядъ на учителя и его отношенія къ ученику держался еще очень твердо тотъ, что учитель долженъ быть своего рода оракуломъ для ученика, а этотъ послѣдній обязанъ исключительно къ воспріятію, безъ достаточнаго осмысливанія того, что исходитъ изъ устъ перваго. Ученикъ, по взглядамъ такихъ педагоговъ, можетъ оказать надлежащіе успѣхи только обладая добродѣтелями: безусловнымъ послушаніемъ, безъ всякихъ разсужденій и полною, слѣпою вѣрою въ то, что сообщается ему въ школѣ; онъ долженъ все дѣлать не потому, что оно хорошо и справедливо, а потому, что это приказано, — и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Съ защитой такихъ именно принциповъ воспитанія и такого характера отношеній между учащими и учащимися въ старыхъ школахъ въ 56 г. выступилъ въ Морскомъ Сборникѣ нѣкто Зедегольмъ, взгляды котораго Добролюбовъ основательнѣйшимъ образомъ и разобралъ въ своей статьѣ: „О значеніи авторитета въ воспитаніи“.

Опровергаемая имъ теорія воспитанія имѣетъ въ изложеніи ея послѣдователей, по словамъ Добролюбова, на первый взглядъ, за себя кой-какіе, повидимому, основательные доводы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти неразвиты, неопытны, — отъ нихъ въ

силу этого, требуютъ безусловнаго послушанія и довѣрія, слѣпнаго подчиненія старшимъ—родителямъ и воспитателямъ, имѣя, какъ будто совершенно резонно, послѣдней цѣлью—поставить, вмѣсто неразумныхъ и неокрѣпшихъ мысли и воли воспитанника, совершенно развитыя мысль и волю воспитанника.

Но разумны подобныя стремленія воспитателей только на первый взглядъ. Сущность возраженій Добролюбова противъ этой теоріи можно изложить въ такихъ словахъ. Прежде всего, эта теорія совершенно неправильно смотритъ на духовныя силы воспитателей и воспитанниковъ: первыхъ она считаетъ людьми, совершенно непогрѣшимыми и возводитъ на далеко недоступный имъ пьедесталь, а вторыхъ, столь-же несправедливо, считаетъ лишенными многоаго такого, что они на самомъ дѣлѣ имѣютъ. Если-бы возможенъ былъ въ дѣйствительности идеальный воспитатель, совершенно ни въ чемъ непогрѣшимый, то слѣдованіе этой теоріи, стремящейся замѣнить для воспитанника всѣ разумныя доводы для тѣхъ или другихъ поступковъ слѣпымъ повиновеніемъ приказаніямъ воспитателя и всѣ доказательства разумности и основательности свѣдѣній, преподаваемыхъ имъ, слѣпымъ довѣріемъ къ его авторитету,—слѣдованіе этой теоріи, въ такомъ случаѣ, не принесло-бы существеннаго вреда. Но всякій знаетъ, что идеала на землѣ нѣтъ и такихъ педагоговъ въ дѣйствительной жизни не встрѣ-

чается: всѣ они не чужды ошибокъ какъ въ своихъ мысляхъ, такъ и въ поступкахъ и никто не обладаетъ полнымъ знаніемъ, которое-бы давало ему право на слѣпое довѣріе со стороны воспитываемыхъ. Идеальный воспитатель долженъ быть готовъ всегда и на все: долженъ знать все, долженъ предварительно разрѣшить всѣ вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Затѣмъ, онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника самымъ лучшимъ путемъ, онъ долженъ быть способенъ откликнуться на всѣ возможные индивидуальныя запросы ребенка. Если-же этого не будетъ у него, то онъ не имѣетъ права требовать къ себѣ безусловнаго довѣрія *). Все это — относительно воспитателей. Съ другой стороны и въ ребенкѣ разумности и здороваго нравственнаго чувства гораздо больше, чѣмъ думаютъ послѣдователи теоріи безусловнаго повиновенія. Дѣти умны и проницательны. У нихъ нѣтъ недостатка въ логикѣ, въ пониманіи связи между причинами и слѣдствіями, въ умѣнни составлять доступныя имъ, по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ, понятія. Чего недостаетъ ребенку, такъ это знаній, а съ тѣми, которыя у него есть, его умственныя операціи совершенно нормальны. Что-же касается дѣтской нравственности, то если

*) Сочин. Добролюбова т. I, стр. 202.

въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что въ этомъ отношеніи они стоятъ выше взрослыхъ, и не напрасно они поставлены намъ въ примѣръ даже Тѣмъ, передъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, такъ что стараться замѣнять въ нихъ вложенное самой природой въ ихъ души тонкое нравственное чутье требованіемъ исполнять приказанія воспитателей,—значить подавлять ихъ высокую въ нравственномъ отношеніи личность, принижать ихъ, тормозить ихъ развитіе *).

Слѣдованіе этой теоріи, даже при идеальномъ воспитателѣ, замедлило бы раскрытіе въ дѣтяхъ всѣхъ ихъ душевныхъ силъ. Никогда не нужно забывать, что ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель, и этотъ послѣдній можетъ не только не понимать, но даже и не предвидѣть потребностей новаго времени. Онъ будетъ, такимъ образомъ, держать питомца въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыхъ самъ держится, а вслѣдствіе этого естественный смыслъ ребенка раскроется медленно, старые предрасудки и мнѣнія, на вѣру принятыя отъ воспитателя, будутъ врагомъ всякаго усовершенствованія и успѣха и поведутъ къ мерт-

*) Сочин. Добролюбова т. I, стр. 217.

вой неподвижности и застою. Медленность движенія народовъ по пути прогресса, существованіе вѣковыхъ предразсудковъ именно тѣмъ и объясняетъ Добролюбовъ, что эта теорія въ жизни играетъ громадную роль, и слѣдующіе ей безсознательно ставятъ идеаломъ прошедшее, уничтожаютъ возможность самостоятельнаго развитія дитяти, насилуютъ его природу, убиваютъ въ немъ вѣру въ себя, довѣріе къ своему мышленію. Таково вліяніе этой системы воспитанія на *умственныя силы* воспитываемаго.

Въ отношеніи *нравственности* ребенка слѣдованіе этой теоріи должно погашать въ немъ чувство правды, растлѣвать его чистоту. Какія бы приказанія ни давались ребенку, пусть даже самыя справедливыя, но если для него при этомъ не будетъ постоянно выясняема ихъ справедливость, не будетъ доводиться до его сознанія законность требованій отъ него, онъ привыкнетъ дѣлать все безъ соотвѣтствующихъ побужденій своего нравственного чувства, а лишь исключительно въ силу неизбѣжности подчиненія чужой волѣ, волѣ воспитателя *). Такой нравственный складъ воспитанника уже никакъ не можетъ говорить въ пользу разбираемой теоріи. А то разслабленіе *воли*, къ которому она приводитъ? Зедергольмъ говорилъ въ своей статьѣ, что усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю, подчинить ее чужой, развиваетъ

*) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 205.

его нравственную силу, а отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ, силы его воли укрѣпятся такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе будетъ окончено, въ состояніи будетъ повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что разумъ и совѣсть требуютъ отъ него. Подобно Зедергольму, и отъ другихъ воспитателей можно слышать доводы въ защиту этой теоріи воспитанія, будто бы очень пригодной для выработки въ ребенкѣ нормальнаго характера. Но педагоги-практики въ пользу ея приводятъ совершенно противоположныя соображенія, сравнительно съ Зедергольмомъ; они говорятъ: нужно ребенка приучить къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ будетъ поздно. Такимъ образомъ они откровенно сознаются, что готовятъ обществу Молчалиныхъ... А Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли. Да помилуйте, восклицаетъ на это Добролюбовъ, вѣдь это все равно, если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитаникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте (какъ и дѣлается у воспитателей, требующихъ безусловнаго довѣрія и послушанія), вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: этимъ развиваются умственные способности. Никакой борьбы, на которую уповаешь такъ Зедергольмъ, здѣсь не будетъ, а получится каждый разъ со стороны ребенка только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, произведетъ не крѣпость воли, а нравственное

разслабленіе, и воспитанный такимъ образомъ человѣкъ будетъ всю жизнь оставаться подъ различными вліяніями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманнѣмъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадетъ, тому и будетъ слѣдовать *).

Далѣе, разбираемую систему Добролюбовъ находитъ неблагопріятною для воспитанія въ ребенкѣ ровнаго, благодушнаго настроенія, ибо извѣстно, что пока стремленія ребенка удовлетворяются, пока дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), онъ бываетъ веселъ, радушенъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, вообще бываетъ настроенъ совершенно благодушно. Напротивъ же, какъ скоро къ нему начинаетъ прилагаться Зедергольмовская теорія, какъ скоро его дѣятельность стѣсняется, стремленія подавляются, не находя ни желаннаго удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія стѣсненій, онъ становится вялъ, угрюмъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю ребенокъ легко становится раздражителенъ и недовѣрчивъ **).

Наконецъ, относительно практическаго осуществленія этой теоріи Добролюбовъ говоритъ, что

*) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 209.

**) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 207.

есть натуры, съ которыми подобная система дѣйствій никакъ не можетъ имѣть приложенія. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди при счастливыхъ условіяхъ воспитанія совершаютъ великія дѣла, становятся нерѣдко благодѣтелями человѣчества. Но задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь весьма ограниченнаго наставника, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Въ послѣднемъ случаѣ они становятся несчастны сами и страшны для общества. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгубло такимъ образомъ, жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а часто просто въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда *).

Какова же должна быть, по Добролюбову, правильная постановка воспитанія и обученія? Неужели можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ? Этого онъ отнюдь не требуетъ. Мы говоримъ только, заявляетъ онъ, что не нужно дрес-

*) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 211.

сировать ребенка, какъ неразумное животное, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки по знаку воспитателя, которыхъ внутренняго смысла и значенія онъ не понимаетъ. Мы хотимъ, продолжаетъ онъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку, чтобы всѣ мѣры могли быть вполнѣ и ясно оправданы его собственнымъ сознаніемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи внутренняго человѣка въ своихъ воспитанникахъ, дѣлая ихъ нравственными не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію *). Педагоги говорятъ: дѣти неразвиты, и этимъ хотятъ оправдать свою теорію. Но, отвѣчаетъ Добролюбовъ, ваша обязанность въ томъ и состоитъ, чтобы развить ихъ, а вы, вмѣсто этого, подавляете въ нихъ всякую сознательную мысль и стараетесь сдѣлать ихъ только послушными, хотя и безсознательными, орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать больше нечего, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ,—тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть себѣ дѣлаетъ, что приказано. Но

*) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 211—212.

въ такомъ случаѣ для чего же вы поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе? Вѣдь вашъ прямой долгъ—добиться, чтобы васъ понимали. Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноровиться къ его природѣ, къ его духовному состоянію, какъ врачъ принаравливается къ больному *).

IV.

Возстановливая въ памяти мысли Добролюбова о воспитаніи, было бы несправедливо не упомянуть о его полемикѣ съ педагогами и писателями его времени по поводу тѣлесныхъ наказаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на то, что уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ розга и ей подобныя прелести оффиціально, какъ воспитательныя средства, изгнаны изъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, вспомнить о его горячей полемикѣ противъ нихъ не бесполезно и для нашего времени, помимо ея чисто историческаго интереса, во-первыхъ, потому, что и до сихъ поръ у насъ существуютъ и дѣйствуютъ педагоги, въ родѣ знаменитыхъ тамбовскихъ, которые подъ шумокъ, не гласно, не гнушаются этими оффиціально забракованными и изгнанными изъ практики воспитатель-

*) Сочин. Добролюб., т. I, стр. 212.

ными мѣрами давно минувшихъ дней, во-вторыхъ, для русскаго простонародья тѣлесныя наказанія существуютъ и до сихъ поръ, хотя уже и чувствуется, что близокъ конецъ имъ и въ кодексѣ нашего волостнаго суда.

Поводомъ полемизировать противъ розги для Добролюбова послужили изданныя въ 1859 году тогдашнимъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа Н. И. Пироговымъ „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій“, имѣвшія цѣлью устранить разнообразіе во взглядахъ начальниковъ на проступки гимназистовъ и на назначеніе самыхъ наказаній, въ виду того, что въ тѣ времена розга въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ практиковалась слишкомъ широко и назначалась за многіе такіе проступки, которые въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ преслѣдовались гораздо менѣе позорными и гораздо болѣе гуманными мѣрами. Пироговъ, какъ педагогъ въ высшей степени гуманный, принимавшій очень близко къ сердцу интересы молодого поколѣнія, не могъ терпѣть такого порядка вещей и гласно объявилъ тѣлесныя наказанія не имѣющими за собой тѣхъ достоинствъ, которыя должны быть присущи всѣмъ воспитательнымъ мѣрамъ. Но, съ другой стороны, та же гуманность его была у него тѣсно связана съ его убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ исправленія наличныхъ методовъ воспитанія необходимъ не циркуляръ и предписаніе, а живое и полное сочувствіе педагоговъ къ вводимымъ въ ихъ заве-

денія перемѣнамъ и улучшеніямъ. Въ его сочиненіяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ выраженіями: главное дѣло въ воспитаніи не законы и предписанія, а тѣ люди, которые ихъ приводятъ въ исполненіе, дѣло не въ программахъ и планахъ, а въ учителяхъ и т. п. Поэтому изгнать розгу своимъ единоличнымъ указомъ онъ не признавалъ возможнымъ и желательнымъ, такъ какъ не имѣя сочувствія совершенному изгнанію ея въ средѣ педагоговъ, онъ всегда рисковалъ возбудить въ нихъ желаніе обхода закона, и на практикѣ легко могло случиться, что изгнанная оффиціально, она въ той или другой формѣ держалась бы, вслѣдствіе сочувствія къ ней педагогическаго персонала, чему примѣры мы можемъ видѣть и въ наше время. Исходя изъ этихъ соображеній, Пироговъ и издалъ выше упомянутыя Правила о проступкахъ, которыми онъ, однако, при всемъ ограниченіи правъ педагоговъ въ пользованіи розгою, все же для исключительныхъ случаевъ допускалъ возможность употребленія ея, какъ мѣры наказанія и исправленія. Хотя результатомъ этихъ правилъ было чуть-ли не совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, такъ что, вмѣсто 560 (изъ 4109 общаго числа) учениковъ, сѣченыхъ въ 58—59 году во всѣхъ гимназіяхъ округа, съ введеніемъ правилъ въ 59—60 году было высѣчено только 27 (изъ 4310 человекъ всѣхъ учащихся въ этомъ году), Добролюбовъ все же жестоко порицалъ

Пирогова за это попустительство и говорилъ, что позорно не число сѣченыхъ, а уже и то, что розга пребываетъ по этимъ правиламъ въ заведеніяхъ округа, какъ наказаніе, санкціонированное высшею властью. Добролюбовъ высказывалъ опасеніе, что розга, допущенная закономъ хотя и для исключительныхъ случаевъ и почти вышедшая изъ практики при попечителѣ, открыто выразившемъ свое *личное* къ ней несочувствіе, можетъ во всей силѣ возродиться при переменѣ начальника, если гуманнаго и высокообразованнаго смѣнитъ какой-нибудь другой, личность котораго не будетъ такъ обаятельно и возвышающе дѣйствовать на подчиненныхъ, какъ дѣйствовала личность Пирогова. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, которые побуждали Пирогова поступить именно такимъ образомъ, т.-е. то, что онъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ существующимъ уставомъ, и не имѣлъ никакой практической возможности явиться кореннымъ реформаторомъ, что онъ встрѣтилъ препятствіе для проведенія своихъ взглядовъ въ большинствѣ подвѣдомственныхъ ему педагоговъ и, наконецъ, что на практикѣ вліяніе его благородной личности, быть можетъ, было сильнѣй, чѣмъ самыя рѣшительныя и строгія запрещенія,—имѣя все это въ виду и придавая всѣмъ этимъ обстоятельствамъ должную цѣну, Добролюбовъ возставалъ на самую систему его борьбы, на то, что Пироговъ такимъ образомъ никогда не могъ обезопасить всѣ будущія поколѣнія отъ розги

и тѣлесныхъ наказаній навсегда, болѣе прочной защитой, чѣмъ его личный авторитетъ и вліяніе. Будущее показало, однако, что и этой реформы уже пришлось ждать не долго.

Приводить всю аргументацію Добролюбова противъ розги въ настоящее время, когда она уже осуждена совершенно, и когда въ практикѣ тѣлесныя наказанія держатся уже какъ только неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ ненормальности и недочеты, не представляется нужнымъ и интереснымъ; для того, чтобы видѣть всю ихъ архаичность и несовременность, достаточно только указаній на этотъ фактъ полемики противъ нихъ, бывшей чуть-ли не полстолѣтія тому назадъ.

O. M. C.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

Имануилъ Кантъ. Критика чистаго разума. Ц. 3 р. 50 к.

Критика практическаго разума. Ц. 1 р. 25 к.

Критика способности сужденія. Ц. 2 р. 50 к.

Артуръ Шопшгауэръ. Міръ какъ гола и представленіе. Ц. 4 р.

Проф. Д-ръ Бокъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. 1898 г. Ц. 4 р.

Вендъ. Душа женщины, опытъ женской психологій. Ц. 1 р. 50 к.

Тріумфы женщины Петrarка, Данте, Бокаччіо. Ц. 2 р.

Шредеръ. Женскій врачъ. Ц. 1 р.

Гегаръ. Половое влеченіе. Ц. 75 к.

Гсрфманъ. Обязанности матери. Ц. 1 р. 50 к.

Фосфановъ. Тѣни и тайны. Ц. 1 р. 50 к.

Сеславинъ. Полный орфографическій словарь. Ц. 75 к.

Ею-хсе. Толковый словарь. Ц. 50 к.

—>> ЦѢНА 25 к. <<—